

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Несите твердую рукой
Святое знамя жизни новой,
Не отступая перед толпой,
Бросать камнями готовой...*

АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕВ

— Ты видишь... видишь... — шипел один голос внутри его.

— Нет. Не могу... не хочу... — отвечал ему другой.

— Открой глаза, ты же не слепец, в конце концов, — требовал третий.

Голоса... Он понимал, что они рано или поздно сведут его с ума. Надо было держаться изо всех сил... Пока он мог сопротивляться *этому... Пока еще были силы и воля, но в любой момент они могли его оставить...*

Вокруг все было странным и непохожим на то, о чем он думал раньше. Возможно, это и есть тот самый путь познания, о котором он

все время размышлял. Ты же хотел найти истину — так почему она тебя так пугает, и, видимо, не только тебя, а любого мало-мальски разумного человека, который сталкивается с чем-то непостижимым. Он не хочет этому верить, даже если мечтал все увидеть собственными глазами и рисовал в уме картину того, с чем собирался встретиться. Кажется, тут проявляется одно из странных противоречий: человек жаждет перейти все границы этого материального мира, но часто останавливается на краю, не имея решимости заглянуть в бездну.

В голове шумело. Его зрение вдруг приобрело удивительную остроту, словно он смотрел в некое объемное сферическое зеркало: выпуклое, тусклое по краям, но в середине удивительно четкое. В фокусе были не только окрестности: горы, высокие деревья с шершавыми стволами, стальная гладь озера, но и прожилки листьев, ленивые рыбы, медленно скользящие в воде, облака, с одной стороны подкрашенные солнцем...

Такое зрение было дано ему не напрасно, не для того, чтобы он расплескал это чудо... Ему следовало открыть еще немало тайных знаний, которыми владели древние, а современники утратили в погоне за суетным и мелким...

Он ощутил прилив сил и возбуждения, в него проникла странная уверенность, что все будет

хорошо, что ему многое удастся из задуманного, что то, о чем он грезил, сбудется... Только нужно собраться и без страха идти навстречу неведомому, не сбиваясь с пути... Не уклоняться, а двигаться вперед... Когда закончится эта экспедиция и он представит свой отчет, то поиски продолжатся... и так до конца... пока не будет найдена Истина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВОРОН ЗА ОКНОМ

*Как-то в полночь, в час угрюмый,
полный тягостною думой,
Над старинными томами
я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, — вдруг
неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался —
постучался в дверь ко мне.*

ЭДГАР АЛЛАН ПО. «ВОРОН»

ОРАНИЕНБАУМ. НАШИ ДНИ

За окном раздался резкий крик, и Анфиса открыла глаза. Она еще не очнулась ото сна, и поэтому все предметы в комнате предстали перед ней в неясном тумане, она снова закрыла глаза и собиралась продолжать спать. Второй крик был еще тревожней первого. «Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда», — почему-то вспомнились строчки стихотворения Эдгара По.

Третий крик прогнал остатки сна, Анфиса встала, накинула халат и подошла к окну. Она жила в старинном доме с толстыми стенами и видом на канал. Большое дерево росло прямо перед окном. На ветке сидел ворон и смотрел на нее.

— Ну, привет, — пробормотала Анфиса. — Это ты не дал мне выспаться.

Ворон склонил голову набок, словно вслушиваясь в ее речь.

— Понимаю, надо уже просыпаться. Дел много... А я тут лежу, дрыхну... непорядок...

Анфиса подумала, что нужно покормить ворона; с этой мыслью она направилась на кухню. Но когда выглянула в окно, птицы на ветке уже не было...

Начинался новый день.

Она бросила взгляд на часы — девять утра. Нормальное рабочее время...

Анфиса Костомарова, переводчица, двадцати девяти лет, рост 171 сантиметр, волосы пепельные, глаза серые, характер — спокойный — так она однажды написала в шутливой анкете. Раньше она делила свое время между Москвой и Ломоносовом, который называла по-старинному Ораниенбаумом, там у нее имелась крохотная двухкомнатная квартира, доставшаяся от бабушки. Дом был старый — еще дореволюционной постройки — с толстыми стенами, высокими потолками и выходом на маленький канал. С той поры, когда она стала работать в фирме «За развитие Русского Севера», Анфиса уже реже бывала в Ораниенбауме, в основном проживая в Москве в съемной квартире (несколько лет была фрилансером и поэтому могла вырваться из Москвы в любое

время и осесть здесь, взять перевод и заняться делом, не отвлекаясь ни на что).

Жила она довольно замкнуто, подруг у нее не было. Единственным другом был Валентин Лавочкин — верным и бескорыстным, готовым всегда прийти на помощь и подставить свое плечо. Познакомились они на книжной ярмарке, где она представляла свой последний перевод — книгу одного писателя африканского происхождения, родившегося и живущего в Австрии. Это было еще до того, как она пришла работать в фонд «За развитие Русского Севера».

Она представляла книгу в череде других переводчиков. Их было трое. Бурьгина Вера Александровна (ВерСанна — как звали ее сокращенно друзья и знакомые), переводившая одного модного французского писателя вот уже несколько лет. Писатель был жутко популярным, его в России знали и любили. На Западе по его книгам сняли фильм, который оказался так себе — на троечку, но способствовал расширению читательской аудитории. ВерСанна переводила примерно один роман в два года — такова была «производительность» французского беллетриста. Анфису она знала и ценила, время от времени они перезванивались и встречались на книжных ярмарках-фестивалях. Второй переводчик был Шамроев Виктор Афанасьевич — эстет, претендующий на модность. Он вел свой блог и страничку в «Инста-

граме», ему было лет пятьдесят с хвостиком, недоброжелатели говорили, что больше, просто он так хорошо сохранился; некоторые намекали на пластику и подтяжку лица. Он перевел книгу современного немецкого автора, в которой были намешаны всякого рода комплексы: тут тебе и тяжелое детство, и насмешки в юности, и болезненный сексуальный опыт, и раздвоение личности, и попытки выйти за пределы своего пола... и странное влечение к двоюродной сестре... и даже чувство вины за то, что его дед служил в СС. Это был гремучий коктейль. На родине писателя уже отметили престижной премией. На этой волне одно российское издательство, славящееся тем, что переводило артхаусные новинки, решило выпустить новую книгу в спешном порядке. Пока не схлынул хайп.

Шею Шамроева обвивал ядовито-зеленый шарфик, брюки были песочного цвета. А рубашка — красного... ВерСанна явилась в какой-то фиолетовой хламиде. Она придерживалась ампула доброй тетушки шестидесяти лет. А она, Анфиса Костомарова, выглядела очень строгой и элегантной в бледно-голубом брючном костюме. Народу было немного, Анфиса выступала последней. Закончив презентацию романа и ответив на пару вопросов, она направилась к столу издательства, уже была совсем рядом с ним — и тут в нее кто-то врезался. Анфиса махнула руками и едва устояла на ногах...

Раздался звук падения рассыпавшихся книжек. Прямо перед собой она увидела молодого человека в очках, джинсах и мягком свитере. Он пробормотал слова извинения. И бросился собирать книги. Анфиса присела на карточки, чтобы помочь ему. Он встретился с ней глазами и даже побледнел.

— В-вы кто? — спросил, чуть заикаясь.

— Переводчица.

— Переводчица? — почему-то обрадовался он. — Очень приятно. Валентин Лавочкин. Вы свободны?

— В каком смысле? — надменно спросила Анфиса, выпрямившись.

Молодой человек тоже поднялся.

— В косвенном. Свободны ли вы сейчас. Сию минуту. Я хочу пригласить вас в ресторан. — Увидев взлетевшие брови Анфисы, поспешил добавить: — На чашку кофе. Это нормально.

— Что нормально в вашем понимании, я не знаю.

Рядом остановилась ВерСанна. У нее были глаза подбитой птицы, и она зябко куталась в хламиду, несмотря на тепло.

— ВерСанна, хотите с нами в ресторан? — предложила Анфиса.

— В ресторан? — встрепенулась ВерСанна.

— Да. Нас молодой человек приглашает. Э-э... Валентин... как по отчеству?

— Можно без.

— Молодой человек по имени Валентин приглашает нас в ресторан, — насмешливо сказала Анфиса.

Ни один мускул на лице ее нового знакомого не дрогнул.

— Да. Прошу составить компанию.

— Можно еще пригласить Витю, — предложила ВерСанна. — Он нам расскажет, над чем сейчас работает. И вообще... Видимся же редко.

Но переводчик с немецкого бодро потрусил вдалеке с парочкой мужчин, одетых в стильные пиджаки, даже не посмотрев в их сторону.

— Кажется, Витю похитили поклонники его таланта, — с легкой грустью сказала ВерСанна. — У него достаточно много поклонников. Сидит на грантах.

— Ну что ж! Идем в ресторан, — сказала Анфиса. — Ведите — куда.

— Я знаю тут один неподалеку. Вполне милый. Я вас туда на машине отвезу.

В ресторане, располагавшемся в здании под «замок», в основном говорила ВерСанна. О трудностях перевода, о своей жизни, вспомнила какие-то случаи двадцатилетней давности. Складывалось впечатление, что ей хотелось просто выговориться. Они заказали обед, ВерСанна ела медленно, часто отвлекаясь на беседу, точнее, собственный монолог. Анфиса редко вставляла реплики, почти не поднимая глаз на Лавочкина. Валентин же большей ча-

стью молчал. Наконец, посмотрев на часы, ВерСанна тряхнула пепельными кудельками и сказала: — Мне пора. Меня ждет Кирюха. Очень было приятно познакомиться, — кивнула она Валентину. — А с тобой прекрасно еще раз повидаться. Все такая же красивая и умная.

— Не перехвалите, ВерСанна.

— Ничуть. Все так и есть. Гордость и надежда переводческого корпуса.

Когда ВерСанна ушла, Анфиса сказала, не глядя на Лавочкина.

— Простите. Я была такой несносной.

— Почему?

— Навязала вам свою знакомую. Хотя не должна была этого делать.

— Не оправдывайтесь; все было прекрасно. Рад познакомиться с Верой Александровной. Она ведь переводит писателя, которого в нашей семье читают. Не каждый день обедаешь с переводчицей такого уровня.

— Вера Александровна — несчастный человек. У нее умер муж пять лет назад. Сын инвалид. И она очень нуждается в деньгах. Переводы нерегулярные, и платят нам за них не так уж чтобы много. А инвалидность сына требует денег. Я хотела доставить ей немного радости. Со мной она бы не пошла, постеснялась бы за мой счет обедать. Так что... сколько я вам должна?

Валентин вскинул руки в протестующем жесте.

— Ни-че-го, — раздельно сказал он. — Для меня это было честью. А потом... одна пере-

водчица сейчас сидит передо мной. И я этому страшно рад.

Анфиса взглянула на него с немым удивлением.

— Вы всегда говорите такие комплименты?

— Какие — «такие»?

— Ну прямые, что ли...

Валя чуть покраснел.

— Нет. Наверное, в первый раз.

— А... — Анфиса заметно поскущнела. — Хочу вас предупредить. Я не склонна к романам или легким интрижкам. Я могу вам предложить только дружбу. Говорю сразу, чтобы не было никаких недомолвок в дальнейшем. А то всякое бывает...

— Ваша дружба... — Валентин коснулся рукой волос, словно желая придать себе уверенности. — Я очень, очень постараюсь стать для вас хорошим другом.

Анфиса провела пальцем по скатерти.

— Спасибо. А теперь вы можете угостить меня кофе?

— Не вопрос.

После кофе они разговорились. Анфиса разрешила проводить ее до дома. Она жила недалеко от метро «Бауманская», Лавочкин подвез ее, они стояли и разговаривали около дома, расставшись в десятом часу. Если бы Анфиса потом видела своего нового знакомого, то она бы, наверное, сильно удивилась. Он ехал в машине и пел. А на его лице расплылась блажен-

ная улыбка. Случилось безвозвратное — Валя Лавочкин смертельно в нее влюбился, причем без всяких усилий с ее стороны. Страстно и обреченно. Потому что ни малейшей надежды она ему не давала... Анфиса спустя некоторое время встретила с ним еще. Потом — снова... Так они подружились. С момента их знакомства прошло уже два года, и теперь она и не мыслила себе жизнь без своего преданного поклонника.

Валентину Лавочкину стукнуло тридцать два года, он был айтишником и работал в МИДе, продолжив таким образом семейную традицию — его родители были потомственными дипломатическими работниками. Кроме Вали, в семье было еще двое детей. Старшая сестра Инна — супруга бизнесмена и счастливая мать двух близняшек. И общая любимица — двенадцатилетняя Вероника, серьезно занимавшаяся музыкой — она играла на арфе. Лавочкины жили в ведомственном доме недалеко от метро «Краснопресненская», в трехкомнатной квартире. Валя, Вероника, мать с отцом и бабушка — восьмидесятичетырехлетняя Олимпиада Андреевна.

Семья была веселая, дружная. Валентин как-то пригласил Анфису к себе домой, несмотря на то, что она отнекивалась.

— В качестве кого я там буду? — спрашивала она.

— В качестве самой себя... я своим все уши прожужжал о своей новой знакомой — замечательной Анфисе. И конечно, они хотят с тобой познакомиться. Это вообще-то не страшно.

— А я и не боюсь, еще чего...

— Не сомневаюсь. Ну так что? Тебя ждут в субботу.

— Ладно. Вечернее платье и клатч?

— Ну что ты? — возмутился Валентин. — Никакого официоза. Все мило и по-домашнему... Мама с бабушкой великолепно готовят...

Субботний вечер и впрямь прошел прекрасно. Мама Лавочкина оказалась еще молодой женщиной — пятидесяти шести лет — с тонкими чертами лица, худощавой, спортивного сложения. Отец — напротив, был плотным импозантным мужчиной с седыми волосами и громким голосом.

— Проходите, проходите, — прогудел он. — В большую залу. Там вас ждут.

Ожидавшие — бабушка Олимпиада Андреевна, Вероника и сам Валентин, мгновенно залившийся краской при появлении званой гостьи. Он вскочил с места, но отец решительным жестом дал понять, чтобы он оставался там, где находится.

— Сиди. Сиди. Уж я сам поухаживаю за дамой...

Легкая неловкость, которая возникла при ее появлении, вскоре исчезла... Анфиса включи-

лась в разговор, ее расспрашивали о работе, о том, что интересного она переводит сейчас... Кухня и впрямь была замечательной — какие-то крохотные пирожки с мясной и рыбной начинкой, которые буквально таяли во рту, вкусные салаты...

Но все же Анфисе показалось, что легкий холодок имел место быть, хотя, возможно, ей это только показалось...

* * *

Он смотрел на толпу в аэропорту с выражением легкого превосходства. Если говорить честно, он не любил аэропорты и все, что с ними связано. И в отличие от других людей не дрожал от предвкушения путешествия или деловой поездки. Для него самолет являлся всего лишь средством транспортировки, как бы сухо и банально это ни звучало. Он вообще не был романтиком по натуре, и многие упрекали его за это. Но здесь он уже ничего не мог с собой поделать. Не его стихия... Он любил все рациональное, четкое, то, что можно выразить сухим языком отчета или цифр. Он помнил, как когда-то его любимая женщина говорила: ты просто невозможен, нет, правда, невозможен. При этом она так смешно растягивала слова и скашивала глаза, что было ясно: она просто посмеивается над ним. Впрочем, ей он мог простить многое, даже слишком...

Усилием воли он отогнал от себя воспоминания и сосредоточился на предстоящей поездке в Питер. Сначала туда. А потом в Москву... Он никогда не был ни в Питере, ни в Москве. Из-за страха, чувства опасности, которое с ним было всегда... Он дотронулся рукой до внутреннего кармана: там лежала записка с адресом и контактами одного типа, которого он собрался нанять для некоторых поручений. Этот адрес ему дал знакомый... Он надеялся, что все будет безукоризненно. Без срывов. Иначе дело, ради которого он приехал, не получится.

Питер... Там ему предстояла встреча, и от того, как она сложится, зависело многое... Объявили посадку на его рейс. Народ перед ним был весьма колоритный: две девушки, пожилой мужчина. Хотя, и здесь он усмехнулся про себя, его ведь тоже можно было отнести к разряду «пожилых». Подтянутый, с щеточкой усов... Глаз за очками не видно... Еще одна девушка стояла немного сбоку. У нее были пепельные волосы и светло-голубые глаза... Красивая... Но девушки для него давно уже стали заповедной территорией... Он собирался проживать строгую размеренную старость, полную спокойствия и гармонии, любимого Баха и Генделя. А девушки проходили по разряду «ненужное волнение». Поэтому их следовало избегать... Но эта и вправду была хороша... И такие глаза...

Неожиданно ему стало плохо. Он покачнулся, и тяжелая трость выпала из его рук и с гро-

хотом покатилаь по полу. Кто-то участливо взял его под локоть. Он открыл глаза.

— Вам плохо?

Та самая девушка смотрела на него, и в ее взгляде читались участие и тревога.

— Да-да. Вполне... — он говорил на русском с трудом, словно во рту перекатывались камни-голыши — неуклюжие, тяжелые... Он перешел на французский. К его удивлению, девушка подхватила его французский. Он не ожидал, что она так хорошо знает язык. Он внимательно посмотрел на нее: бывают же сейчас в России такие девушки! И хороша собой, и умница... и еще в ней видны изящество и то, что называется породой.

— Вам что-нибудь нужно?

— Нет, мне уже легче. Спасибо, — сказал он, растягивая слова, — благодарю.

Она ответила на итальянском. Это уже было слишком! Неужели немытая Россия стала родиной таких умных и красивых девушек? Здесь его охватило стойкое чувство, что он где-то ее уже видел. Память у него была не просто хорошая. А отменная... Но вот где...

* * *

Герман Салаев был одним из организаторов экспедиции в Ловозеро по следам Александра Барченко. На эту должность его назначил Мстислав Воркунов, руководитель фонда «За

развитие Русского Севера». Герман буквально горел работой, этим делом, уточнял детали, составлял график, маршрут. Нанял толкового спеца — Николая Шепилова, который вскоре должен был выехать на место, согласовать маршрут уже непосредственно там, в том числе с региональными властями.

Анфиса приехала с важным сообщением, что к ним подключается один картограф, ради которого она и прибыла в Питер. Конечно, с Германом можно было решить вопросы и по телефону, но ее начальник любил, когда сотрудники общались вживую, контролировали друг друга, как мысленно добавляла про себя Анфиса.

Картограф Генрих Ямпольский оказался чудесным, беседа с ним пролетела за один-два часа, они сидели в кафе, пригревало солнышко, визави ее был стариком в дивном черном берете, его высохшие руки пестрели коричневыми пятнами, а глаза слезились, но взгляд был ясным, а голос звучал твердо — без дребезжания. Он опирался на трость из красного дерева, временами, когда он смотрел на Анфису, его взгляд приобретал странное выражение. Так, наверное, художник взирает на свою модель, прежде чем приступить к ее изображению. Чем-то ее собеседник напоминал старого орла, который сложил крылья, но по внутреннему призыву мог снова их расправить. Его нашел где-то Мстислав Воркунов, Анфисин шеф,

дал его телефон и сказал, чтобы она срочно связалась с ним. Воркунов всегда умел выискивать первоклассных специалистов. У него просто был нюх на них. Вот и Генрих Ямпольский, который работал с картами, попал в поле зрения Воркунова.

— Интересное вы затеяли мероприятие.

— Да! — вдохновенно сказала Анфиса. — И я рада, что вы нам поможете.

— Придется покопаться в старых архивах. Как я понимаю свою задачу — нужно найти карты того времени, которые подробно бы описывали ваш будущий маршрут. И все нужно было сделать, как говорят студенты, еще вчера...

— Да. Время поджимает. Надеюсь, мы все рассчитали правильно, но вдруг... в таких случаях ничего нельзя знать наверняка, — сказала Анфиса.

— Это правда...

— Рада, что вы с нами будете сотрудничать...

Картограф, которого звали Генрих Викторович, бросил на нее взгляд, как бы предупреждая: «Нужно быть умеренными оптимистами».

Согласна, мысленно сказала про себя Анфиса.

Они расстались с Ямпольским вполне довольные друг другом. Потом Анфиса поехала к Герману Рустемовичу в гостиницу, где он остановился. Салаев принял ее в холле. Герман находился в Питере по своим делам. Экспедиция по следам Барченко, можно сказать, была

его хобби. Но свои деловые проекты он не забывал, поэтому ему приходилось разрываться между своими двумя ипостасями: бизнесмена и исследователя-энтузиаста. В холле Анфиса утопала в мягком сливочно-белом кресле и смотрела на аквариум с рыбками. Когда она насчитала пятнадцать рыбок, перед ней вырос Салаев.

— Добрый день, — сказал он, усаживаясь напротив.

— Добрый день, Герман Рустемович. Вот прилетела сюда по делам и решила встретиться с вами.

Она давала краткий отчет по сделанному, когда поймала его отсутствующий взгляд. Пару раз он демонстративно посмотрел на часы.

— Вы торопитесь?

— Да, у меня запланирована одна встреча, — подтвердил он. — Боюсь, что не могу уделить вам много времени.

Анфиса внимательно посмотрела на Германа. Это был по-своему привлекательный мужчина сорока с лишним лет, крепкого телосложения, лицо с чуть раскосыми скулами... Внимательные карие глаза, которые в любой момент готовы вспыхнуть гневом. Герман мгновенно приходил в ярость, но также легко и остывал. Прощал ли он своих обидчиков, никто не знал, ведь он мог таить свои чувства до тех пор, когда представится удобный случай для мести...

Когда Герман пришел в их фонд, он стал не то чтобы ухаживать за Анфисой — для этого он был слишком высокого о себе мнения, — но оказывать ей недвусмысленные знаки внимания, намереваясь сделать ее своей любовницей. Впрочем, Анфиса подозревала, что Герман оказывает такие знаки внимания всем девушкам, которые встречались ему на пути... Просто ради мужского спортивного интереса. И вдруг! Он фактически обрывает разговор! Такого за все время работы с Германом еще не случалось. Анфиса сдвинула брови.

— Хорошо, если у вас еще есть вопросы, я готова их обсудить.

— Вопросов нет, — перебил ее Салаев, заметно нервничая.

Анфиса еще раз внимательно посмотрела на него: таким она Германа еще не видела. Он всегда был спокоен и невозмутим. Теперь же с него словно спала маска... На лбу мужчины выступили капли пота.

Однако!

Герман нервничает, с чего бы? Анфисе это в диковинку, и она смотрит на Германа пристально. В упор. А он явно хочет избавиться от нее.

— Ну так что? — и он демонстративно встанет с кресла. — Спасибо за визит, Анфиса Николаевна. Хотя он был совсем необязательным. Мы все могли обговорить по телефону.

И зачем ты сюда приперлась, явно сигналлила его взгляд... Только не говори, что хотела меня увидеть, я же помню, как ты меня аккуратно отшила. А ведь могли приятно провести время. И не верю я, что ты вся такая недоступная. И чего только ломалась? Целку из себя строила.

Ну ты не очень-то, в ответ просигналила ему взглядом Анфиса. Руки того... то есть мысли не распускай... С каждым, кто имеет на меня виды, я спать не собираюсь, и вообще я не обязана отчитываться вам, Герман Рустемович, почему я вас отшила. Не сошлись группой крови, как говорила одна моя давняя знакомая.

Какой еще группой крови?

Это всего лишь оборот речи...

Анфисе кажется, что между ними идет этот безмолвный разговор, и по мере его продолжения Герман Рустемович хмурится все больше.

— Рад был видеть, — выдавливает он, идя на попятную и пытаясь быть вежливым, несмотря на то что эта роль — не для него.

— Взаимно. Извините за беспокойство...

— Ничего. Все нормально. Мы же коллеги... Всего доброго... — он взял ее под руку и повел к выходу, чуть ли не подталкивая.

Она проскользнула в стеклянную вертушку дверей. На улице перевела дух. Интересно. С кем же у Германа встреча — с деловым партнером или... Анфису разбирало любопытство.

Она быстрым шагом перешла на противоположную сторону улицы и оглянулась. Фигура Германа была видна через стекло. Он снова сел в кресло. Как на пост... Видит ли он ее сейчас? Анфиса нырнула в магазин, где продавалась посуда и сувениры. Теперь она, спрятавшись за полки с фарфором, хорошо видела Германа, а он ее, как она надеялась, — нет. Получился удобный наблюдательный пункт. Возможно, она узнает сейчас ответ на вопрос: почему же Герман Рустемович Салаев так поспешно вытолкнул ее из гостиницы.

В стеклянные двери вошел мужчина с палкой, и Анфиса замерла: он был ей смутно знаком... И здесь ее кольнуло узнавание. Это оказался тот мужчина, с которым она столкнулась в аэропорту. Тот самый, которого она удивила знанием иностранных языков. И что он делает у Германа...

Она чуть не задела локтем фарфор.

— Вам что-нибудь надо? — выросла около ее продавщица.

— Нет.

— У нас разнообразный товар на любой вкус. Вы можете выбрать подарок близким, сослуживцам, любимому человеку, другу...

Прямо на Анфису с полки смотрела фарфоровая собачка непонятной породы.

— Сколько стоит этот товар?

Девушка с густой челкой сняла фигурку с полки, перевернула ее.

- Три с половиной тысячи рублей.
- Беру. Упакуйте мне, пожалуйста.
- Будете платить наличными или картой?
- Картой...

Бросив взгляд в окно, Анфиса уже не увидела ни Германа, ни того иностранца. Они расстались или ушли в номер? Или куда-то еще?

* *

— Представляешь! — со смехом рассказывала Анфиса. — В аэропорту один иностранец чуть не поперхнулся, когда я ему ответила на чистейшем французском. Он, видимо, из тех дремучих иностранцев, которые думают, что у нас здесь до сих пор медведи по улицам бродят, а жители ходят в шапках-ушанках и бренчат на балалайках.

— Бывают и такие. Хотя честно — это анахронизм, и такие люди должны уже вымереть, как мамонты. Это даже неприлично сейчас так думать о России. Нам все время приходится преодолевать эти стереотипы пропаганды, которые работают уж бог знает сколько времени. Наш МИД борется с этим, — голос Лавочкина звенел — неподдельный патриот родной конторы!

— Я тоже так считала до поры до времени. Но с одним из таких мамонтов столкнулась сегодня. Сама не поверила своим глазам и ушам. Но, как видишь, такие люди еще существуют. Хотя это просто смешно...

— Как съездила в Питер? — без всякого перехода спросил Валентин, глядя на Анфису исподлобья. Он так хорошо изучил ее или думал, что изучил — как полагает каждый влюбленный человек об объекте своего чувства. Сейчас ему казалось — в ней что-то не то. Какая-то излишняя возбужденность, Анфисе в общем-то не свойственная. Напротив, она обычно вполне уравновешенная и спокойная особа.

Сейчас они сидели в кафе недалеко от места ее работы за чашками капучино. Анфиса взяла себе еще десерт, который не столько ела, сколько задумчиво ковыряла ложкой.

— Хорошо. — Она откинулась на спинку плетеного стула. — Только мне показалось, что Салаев слушал меня как-то не очень внимательно. Хотя все должно было быть наоборот. Он же столько сил вкладывает в ту экспедицию... — при этих словах Анфиса задумалась.

— Тебе так показалось.

— Ничуть! Германа я знаю хорошо. А теперь он, похоже, потерял к экспедиции интерес.

— Тебе так кажется, — сказал Лавочкин, но уже менее уверенно.

— А вообще Питер прекрасен всегда. Я его люблю давно: нежно и пламенно. Чего стоят эти симпатичные львы на Аничковом мосту. Я каждый раз, когда приезжаю туда, прихожу с ними здороваться. Увидишь их славные морды — сразу настроение повышается.

— Фантазерка! Но Питер и вправду прекрасен. Я там не был... — Валентин поднял глаза вверх. — Год и два месяца. Многовато... Тянет туда поехать в самое ближайшее время, но не получится. Работа, дела... Не все могут сочетать приятное с полезным, как некоторые, — поддел ее Лавочкин.

Но Анфиса его не слушала.

— Как ты думаешь, почему Герман так рвался поскорее организовать эту экспедицию и вдруг словно теряет к ней интерес?

— Может быть, какие-то личные проблемы.

— Какие личные проблемы, когда все живут этой экспедицией... Организовывают все на местах, а тут...

Анфиса хотела сказать что-то еще, но осеклась.

— Я понимаю, — Валентин подкинул в воздух яблоко, но не поймал его, и оно с глухим стуком упало на землю.

— Растяпа! — беззлобно сказала Анфиса.

— Что делать! Придется потренироваться, чтобы в следующий раз поразить тебя цирковым трюком.

Когда Лавочкин ушел, Анфиса выпила крепкий чай и легла на узкую кушетку. После поездки в Питер в голове была легкая беззаботность, правда, она знала, что это ненадолго. И вообще современный человек не может по-

зволить себе расслабиться в течение длительного времени. Это раньше жизнь была спокойной и размеренной и время текло по-другому. Анфиса представила, как дворяне совершали утром прогулки на лошади, потом — завтракали, читали книги, бродили по лугам... А сейчас... все в спешке, все на бегу: как бы чего не упустить, все успеть. Да еще эта странная эпидемия, накрывшая мир... Она вспомнила иностранца, с которым столкнулась в аэропорту, и подумала, что у нее возникло необъяснимое чувство, будто она с ним где-то уже встречалась.

ГЛАВА ВТОРАЯ

●

ЗАПАХ ТУБЕРОЗ И ЗВУКИ ТАНГО

*Если можешь, иди впереди века, если
не можешь, — иди с веком, но никогда
не будь позади века.*

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

* * *

Павел Рудягин, следователь, сидел у себя дома, размышляя, чем бы ему заняться вечером. Телевизор он смотрел редко, фильмы и сериалы по интернету — тоже нечасто, гостей не принимал, так что оставалось только читать.

Он подошел к книжному шкафу и задержал дыхание. Он так делал почти каждый раз, когда близко видел полки, за стеклами которых поблескивали корешки книг.

Он до сих пор считал, что ему незаслуженно повезло получить квартиру в центре Москвы от родственницы, которую он даже не знал. Эта квартира когда-то принадлежала Нине Семеновне, Пашина мать была ее двоюродной пле-

мянницей. Так получилось, что завещание пожилой женщины стало неожиданностью для всех. Родственнички Нину Семеновну забыли, а вот мать Павла регулярно слала старушке открытки, несколько раз навещала ее, в чем потом призналась своим домашним, но не сразу, а спустя некоторое время. Дело в том, что мать в юности, как многие девчонки, хотела стать актрисой, приехала из Ярославля в Москву, чтобы подготовиться к экзаменам. Поселилась у Нины Семеновны, та готовила ее к выступлению перед экзаменационной комиссией. Мать до сих пор помнила, что учила басню Крылова «Стрекоза и муравей» и монолог Софьи из «Горя от ума» Грибоедова. Воспоминания юности не блекли. Матери казалось, что она и сейчас помнит свое волнение, отчаяние, надежду. Последняя и питала ее больше всего в этом полубезумном мероприятии. Нина Семеновна была доброжелательной, племянницу не отговаривала, хотя могла бы — с высоты лет, напротив — поддерживала, за что девушка была ей безмерно благодарна. Экзамены она благополучно провалила, вернулась к себе в Ярославль, поступила в вуз... Вышла замуж... Пошли дети. Сын Павел... после значительного перерыва — дочь Татьяна...

Нина Семеновна оставила эту квартиру Пашиной маме, а та отдала ее сыну, чтобы он переехал в Москву и там устроился на работу и вообще — начал новую жизнь. Вопрос с Пашиным трудоустройством решился довольно

быстро. Однонокашник отца работал в МВД, обещал Паше содействие и свое слово сдержал. Паша стал работать следователем, первое время страшно боялся, что не справится и подведет коллег. Свое первое дело, связанное, как ни странно, с Пушкиным и его стихами, он никогда не забудет. Его коллега Светлана Демченко сказала, что действительно первое дело останется в памяти как первая любовь...

К Москве Паша привыкал постепенно. Не сразу вжился он в пространство города, которое поначалу казалось ему слишком шумным, чужим, порой — враждебным. Никому ни до кого не было дела. Паша ощущал себя без родных потерянним и одиноким. Друзья и знакомые подшучивали над ним, мол, нужно жениться. Но он считал, что в этом вопросе не может быть никаких правил. Не брать же в жены первую попавшуюся девушку только потому, что «надо». Кому это надо?

Коллеги по работе пробовали его знакомить с подходящими, на их взгляд, девушками. Но быстро поняли, что Паша не собирается строить серьезные отношения, поэтому отстали от него.

Вот сейчас Паша подошел к книжному шкафу, тут его взгляд скользнул на книгу, которую он купил в киоске у метро. Современный автор, броская обложка. Паше понравилась аннотация: «Книга рассказывает об одном из самых бурных и судьбоносных периодов в исто-

рии России — с начала Первой мировой войны и до середины двадцатых годов. Она основана на исторических фактах и документах...»

Паша уже начал читать эту книгу. Он взял ее с полки и раскрыл там, где оставил закладки: «В зале все сидели и смотрели на сцену. Оркестр играл популярное в тот сезон танго. Звуки пьянили, будоражили, уносили куда-то далеко-далеко... Наконец на сцену вышла она, певица, которую ждали. Яркая брюнетка невысокого роста в длинном черном платье с брошкой на груди. Матильда Французская...»

Паша оторвался от книги. Интересно: эта Матильда Французская — реальное лицо или вымышленное?

* * *

ПЕТРОГРАД. 1917. МАРТ

— Послушайте, — Алексей Васильевич Кумарин смотрел на своего визави, не скрывая презрения. — Но вы же офицер, присягали царю и отечеству, как вы можете служить этим... — он кивнул на окно, за которым слышался неясный, но вместе с тем четкий гул...

— Попрошу! Не выражаться! — с холодным бешенством ответил Скандаровский. — Да, я с этими...

— Позвольте спросить — почему? — Кумарин уже пришел в себя и смотрел на Скандаровского.